

Иван БЕЛЯЕВ

ИСТОРИЯ НОБГОРОДА ВЕЛИКОГО

Неведомая Русь

Иван Беляев

**История Новгорода Великого. От
древнейших времен до падения**

«ВЕЧЕ»

2016

Беляев И. Д.

История Новгорода Великого. От древнейших времен до падения /
И. Д. Беляев — «ВЕЧЕ», 2016 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-7900-7

Великий Новгород – один из древнейших и знаменитых городов России. По легенде, он стал местом призвания летописного Рюрика и зарождения российской государственности. В Средние века он был центром Новгородской Руси, а затем центром Новгородской земли в составе Древнерусского и Русского государств. В 1136 году он стал первой вольной республикой на территории феодальной Руси. После победы московского князя Ивана III Великого над новгородцами в московско-новгородской войне 1477–1478 гг. Новгород утратил политическую самостоятельность. Книга русского историка, профессора Московского университета Иван Дмитриевича Беляева (1810–1873) подробно рассказывает о возникновении, становлении, расцвете и трагическом падении одного из древнейших русских городов. Впервые вышедшая в 1866 году (оригинальное название «Рассказы из русской истории. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения») и ни разу не переиздававшаяся, книга И. Беляева до сих пор представляет немалую ценность для всех любителей русской истории.

ISBN 978-5-4484-7900-7

© Беляев И. Д., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

I. Строй жизни Великого Новгорода	6
Рассказ первый. Новгородские владения[1]	6
Виды новгородских владений	6
Новгород и его стороны	6
Концы города	7
Улицы	8
Новгородская земля	9
Пригороды на Новгородской земле	10
Присуды и погосты	13
Волости	15
Рядки	15
Перевары	15
Новгородские волости	16
Первый разряд новгородских волостей, Торжок, Бежичи и проч.	16
Третий разряд новгородских волостей, Пермь, Печора и Югра	19
Рассказ второй. Новгородское общество	21
Элементы новгородского общества	21
Классы новгородского общества	22
Бояре	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иван Дмитриевич Беляев
История Новгорода Великого. От
древнейших времен до падения

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

I. Строй жизни Великого Новгорода

Рассказ первый. Новгородские владения¹

Виды новгородских владений

Владения новгородские разделялись на три вида: к первому виду принадлежал сам Господин Великий Новгород, второй вид составляла Новгородская земля и третий – волости новгородские. Великим Новгородом называлось первоначальное поселение ильменских славян на Волхове, гнездо новгородского могущества, бывшее постоянно и неизменно средоточием силы и власти новгородского племени славян. Землю новгородскую составлял край, ближайший к Новгороду, занятый древнейшими новгородскими колониями и до того пропитанный новгородским духом, что составлял одно неразрывное целое с самим Новгородом. Волостями новгородскими назывались те земли, которые хотя и были подчинены Новгороду, но не составляли с ним одного целого и скорее представляли новгородские провинции в чужой земле, притянутые к Новгороду силою и большею частью неколонизованные новгородским племенем, даже иногда управляемые своими племенными князьями и старшинами.

Новгород и его стороны

Господин Великий Новгород, как город, разделялся на две половины или стороны: на Софийскую и торговую; первая лежала на левом берегу Волхова, а вторая на правом. По всему вероятно старейшей половиной была торговая сторона, ибо на этой стороне находился Славенский конец, главное поселение славян, основателей Новгорода; на этой же стороне было городище, т. е. место старого города, крепости; на Софийской же стороне стоял детинец, новая крепость, построенная Рюриком по переходе его из Ладоги в 864 году. Самые названия местностей на Софийской стороне, – Пруссы, Неревляне, Тигожане, Пидбляне и др. указывают на пришельцев, присоединившихся к коренному славянскому поселению. Торговая и Софийская стороны, очевидно одновременные по заселению, разнились между собой и по значению в общественном строе. На Софийской стороне, как мы уже видели, стоял детинец, или крепость, главный кремль Новгорода; здесь же находим главную святыню, символ новгородской свободы и самостоятельности, – соборную церковь Софии Премудрости Божией; здесь же живет в детинце владыка новгородский (епископ, потом архиепископ), главный представитель религиозной власти в Новгороде; здесь же при церкви Св. Софии, у владыки на сенях, главный суд и управление; здесь же у св. Софии на полатах хранилась общественная казна и все законы, постановления и договорные грамоты Новгорода. Напротив того, на торговой стороне находились: двор Ярославов, при котором обыкновенно собиралось правильное вече, главный представитель земской власти Новгорода; на торговой же стороне находилась главная торговая площадь или торговище, и на ней церковь Иоанна Предтечи на Опоках, где производился торговый суд; на торговой же стороне и, кажется, при церкви Иоанна Предтечи на Опоках было обычное место, где производился суд тысяцкого; здесь же находились и торговые дворы иностранных гостей, составлявшие отдельную часть торговой стороны под названием Варяжской или Варецкой улицы, примыкавшей с одной стороны к Ярославову двору и торговищу, а с другой

¹ В книге по возможности сохранены орфография, пунктуация, написание строчных и прописных букв, а также научная терминология и этнонимы первого издания 1864 г.

стороны, к берегу Волхова, на котором для каждого торгового двора была особая пристань, или вымол, как об этом прямо свидетельствует устав князя Ярослава Ярославича о мостовых, в котором сказано: «Князю мостить от Ярославля двора до Немецкого вымола, Немцем до Еваня вымола, от Еваня вымола Готом до Геральдова вымола и проч.». Иноземные торговые дворы, стоявшие в этой части торговой стороны, были следующие: Варяжский двор, старейший из всех дворов иноземных гостей, имевший свою Варяжскую церковь Св. Пятницы, затем следовали Немецкий, Готский и Псковский гостиные торговые дворы.

Концы города

Как Софийская сторона, так и торговая, разделялись на концы; концов этих во время Новгородской самостоятельности было пять: три на Софийской стороне и два на торговой. Софийские концы были: 1-й Неревский, лежавший на север от детинца и одним боком протянувшийся по берегу Волхова, а с другой стороны примыкавший к Загородскому концу, по Чудинцеву улице; 2-й Людин или Гончарский – на юг от детинца, одним боком лежавший по берегу Волхова, а другим примыкавший к Загородскому концу Добрыниной улицей, и 3-й Загородский, лежавший на запад от детинца, между Людиным и Неревским концами. Концы торговой стороны: 1-й, Славенский конец по берегу Волхова, занимавший южную половину торговой стороны по Бояню улице и Рогатицу; от этого конца шел большой мост через Волхов на Софийскую сторону; 2-й, Плотницкий конец, также по берегу Волхова, занимал северную половину торговой стороны и отделялся от Славенского конца Федоровским ручьем. Концы Софийской стороны примыкали к детинцу или к Кремлю, как к центру; но детинец не принадлежал ни к одному концу и был отделен от них стенами и рвом; он был общий для всего Новгорода и, как святыня, изъятая из частного обращения, управлялся и устраивался отдельно от управления и устройства концов. В таком же положении на торговой стороне был Ярославов двор с вечевою площадью и торговищем: он также не принадлежал ни к одному из концов торговой стороны и управлялся отдельно и независимо от кончанских старост Славенского конца, хотя и занимал часть Славенского конца.

Каждый конец в Новгороде составлял отдельную общину, состоящую из союза меньших общин, – улиц, имел свое управление и суд. Герберштейн, посол Императора Германского, бывший в Москве в первой половине XVI столетия, говорит, что «город, Великий Новгород, разделялся на пять частей, из которых каждая часть не только в публичных и частных делах, ведалась у своих определенных начальников, которым она была подсудна; но и каждый житель части во всех сношениях с своими согражданами мог заключать контракты только в своей части и у своих правителей, а не в других частях у тамошних правителей; равным образом и в суд мог звать только к судьям своей части», т. е. конца. Главными представителями, судьями и управителями концов были выборные кончанские старосты; от них зависели все общественные распоряжения по концу, они были главными представителями своих концов на общем вече и в общих делах целого Новгорода, так что договоры с иноземными государями и разные узаконения или постановления, выходящие от общего веча, обыкновенно утверждались печатями пятиконецких старост; равным образом в посольствах и переговорах с иноземцами непременно участвовали или пятиконецкие старосты, или по двое и по трое выборных людей от каждого конца. Новгородские концы не были административными клетками, разбитыми по какой-либо теории или по прихоти какого-либо распорядителя, а напротив, представляли собою органическое целое, в котором все части были соединены друг с другом бытовыми и даже нравственными узами, так что за обиду однокончанина вступался целый конец; так например в 1418 году Славенский конец вместе с Плотницким концом вступился за своего однокончанина Степанка, схваченного боярином из Неревского конца; Славенские и Плотницкие кончане зазвонили вече на Ярославом дворе и с знаменем и в доспехах пошли на Нерев-

ский конец и разграбили там Козмодемьянскую, Яневу и другие улицы. Или в 1421 году Славенский конец за боярина своего Климентия Артемьина воевал с Неревским концом, который защищал своего боярина, посадника Андрея Ивановича; и Славенцы разграбили дом посадника и много других боярских дворов у Неревлян. Концы в Новгороде не были представителями сословий или отдельных классов новгородского общества; а напротив, в каждом конце безразлично жили и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди; так что в случае надобности назначить на какое-либо общее дело выборных людей от конца, выбирались и от бояр, и от житьих людей, и от купцов, и от черных людей. Концы даже имели свои знамена, или воинские стяги, и в военных походах каждый конец составлял особый полк и имел своего воеводу.

Улицы

Концы в Новгороде, как уже сказано выше, состояли из союза улиц; улиц в каждом конце было неодинаковое число в разное время: они то дробились, то соединялись. Впрочем, более важными и более известными и постоянными улицами были: в Людине или Гончарском конце – Редятина, Волосова, Чернятинская и Добрынина; в Загородском конце – Прусская и Чудинцева; в Неревском конце – Янева, Розважа, Козмодемьянская, Люгоша, Холопья и Яковлевская; в Славенском конце – Славно, Ильинская, Варяжская или Варецкая, Лубяница и Нутная; и наконец, в Плотницком конце – Бояна, Рогатица, Славкова, Федоровская, Никитская, Молоткова и Радоковичи.

Каждая улица в Новгороде составляла отдельную общину с своим управлением, с своими уличанскими старостами и с своим в нужных случаях вечем; у каждой улицы была своя уличанская печать и своя контора, по тогдашнему названию – обчина, где хранились общественный уличанские деньги и дела между своими уличанами, где вероятно заседали уличанские старосты и держали уличанский суд и управу. Так под 1342 годом летопись говорит, что когда псковичи прислали к новгородцам просить помощи на немцев; то новгородцы «ни мало не умедливши, отправились в поход в великую пятницу, и иные в великую субботу, а обчины все попечатали». Уличанские старосты с своими уличанами участвовали на общем вече, и имели право собирать частные веча своей улицы; но уличанских старост мы не встречаем ни в новгородских посольствах, ни в переговорах Новгорода с иноземными послами, ни в договорах с князьями. Даже в общем новгородском суде у владыки на сенях, или как тогда говорилось, у доклада, заседали выборные не от улиц, а от концов; так в судной новгородской грамоте 1471 года сказано: «А докладу быти во владычней комнате, а у доклада быть из конца по боярину, да по житьему, да кои люди в суде сидели да и приставом». Но очевидно, что в других судах уличанские старосты, или особые для суда старосты от улицы, всегда являлись, как посредники и защитники своих уличан, ибо таков был общий порядок суда во всей Русской земле, чтобы не судить ни одного суда без судных мужей или приставов от сторон, т. е. от истца и ответчика, данных каждому своею общиною. В новгородской судной грамоте прямо сказано: «а в тиуновой одрине (т. е. в суде у тиуна) быть по приставу в сторону, людем добрым, а судити им в правду, крест целовав». Таким образом каждый член улицы был постоянно под защиту своей общины – улицы, и все члены улицы, т. е. домохозяева, владевшие уличанскою землею от своего имени, состояли в круговой поруке друг по друге и защищали друг друга от сторонних притеснений. И защита улицы для уличанина имела важное значение; ибо главные представители и вожди улицы, уличанские бояре, пользовались огромным влиянием в новгородском обществе: все важные выборные должности принадлежали им исключительно, сверх того они имели большой вес в общественных делах по своим богатствам и связям. Бояре же с своей стороны дорожили расположением своих уличан, потому что при их только помощи и расположении могли, рассчитывать на занятие важных выборных должностей; уличанскою только поддержкою боярин мог иметь успех в своих спорах с соперниками на высшие должности. Уличане

иногда даже открытою силою доставляли важные должности своим боярам; так например, по свидетельству летописи, в 1359 году, уличане Славенского конца, чтобы добыть посадничество своему боярину Сильвестру Лентеевичу, явились на вече в доспехах, произвели резню и разогнали заречан или Софийскую сторону. При таких отношениях естественно уличанские бояре были самыми усердными и самыми сильными защитниками своих уличан, и без различия к какому бы классу они ни принадлежали. Этого требовал самый сильный мотив к усиленному покровительству, – обоюдная польза бояр и уличан: уличане были сильны своими боярами, а бояре были сильны своими уличанами.

Таким образом, улица в Новгороде не была мертвым рядом дворов, вытянутых в линию, а так же, как и конец, составляла живую общину, члены которой составляли плотный союз, связанный и бытовыми и нравственными интересами, и притом такой союз, который имел юридическое значение, признанное за ним законом. Улица в Новгороде настолько пользовалась самостоятельностью, что даже могла действовать помимо своего конца; так например, когда в 1218 году торговая сторона, заступившись за своего боярина Матвея Душильевича, пошла на посадника Твердислава, боярина из Людина конца; то Людин конец, вступившись за Твердислава, как своего боярина, пригласил к себе на помощь Прусскую улицу, бывшую в соседстве, и пруссы вместе с людинцами вооружились за Твердислава, тогда как Загородский конец, к которому принадлежала Пруская улица, оставался нейтральным и не вступался ни за Твердислава, ни за Матвея Душильевича.

Новгородская земля

За пределами Новгорода как города, начиналась Новгородская земля; она обнимала пространство на восток до Торжка, на запад до Финского залива, реки Наровы, Чудского и Псковского озер и вообще до границ Ливонии, на юг до Великих Лук и на север до Ладожского озера и частью до Онежского озера. Эта страна хотя не была заселена сплошным новгородским племенем, особенно около Ладожского озера, в земле корелян и в землях води и ижоры, ближе к Финскому заливу, тем не менее здесь были старейшие поселения новгородские, и вся страна так была пропитана новгородским духом, что и чужеплеменники туземцы, водь, ижора и корела, здесь остававшиеся, были устроены совершенно на новгородский лад и считали свою землю уже Новгородскою землею и потому принимали деятельное участие в делах Новгорода и были уже большею частью крещены в православную веру. Пригороды, находившиеся в этой стране, в иных случаях даже приглашались на новгородское вече, и все тамошнее население без различия племен участвовало в военных походах новгородцев или по требованию веча являлось на защиту Новгорода. Так, например, князь Александр Невский в 1241 году вел на шведов к Копорью и новгородцев, и ладожан, и корелян и ижорян. Или под 1370 годом летопись, описывая вооружение новгородцев против князя Ярослава Ярославича Тверского, говорит: «Совокупися в Новгород вся волость новгородская, псковичи, ладожане, корела, ижора и водь, и идоша в Голино от мала до велика, истояша неделю на броде». Или в 1136 году новгородцы для совещания об изгнании Всеволода Мстиславича приглашали к себе на вече и псковичей и ладожан, как участников в новгородских делах, для которых интересы Новгорода были собственными интересами.

На Новгородской земле было рассеяно до тридцати новгородских пригородов, известных по летописям, а может быть, их там было и гораздо больше. Важнейшие из пригородов, лежащих на Новгородской земле, были в прежнее время: Псков, впоследствии отделившийся от Новгорода и составивши свое независимое владение; за Псковом следовала Ладога, один из древнейших новгородских пригородов, стоявший в низовьях Волхова, неподалеку от впадения в Ладожское озеро; потом следовала Руса, тоже один из древнейших городов в этом крае, стоявший на юг от озера Ильменя при впадении реки Порусья в Полист; далее такой же древний

город Изборск, стоявший на запад от Пскова, несколько южнее Псковского озера; затем Великие Луки, тоже древний новгородский пригород, при верховьях реки Ловати, на границах с полотскими и смоленскими владениями, и составлявший самый южный предел Новгородской земли. За сими, несомненно древними пригородами Новгорода, следовали иные пригороды, из которых одни также может быть довольно древние, а другие поздние, время построения которых уже отмечено в летописях. Таковы были: Орехов, при истоке Невы из Ладожского озера, построенный в 1323 году; Корела или Корельский городок при устье Узервы в Ладожское озеро, на острове; Тиверский городок на север от Невы, в глубине Корельской земли, это нынешний Кексгольм (Выборгск. губернии), почти на границе новгородских владений с Финляндией; Тесов в Вотьской земле, на юг от Орехова; Копорье на юг от Невы, неподалеку от Финского залива при речке Копорке, построенный в 1280 году; Яма на реке Луге, в ее низовьях, и Луга при верховьях реки того же имени. Далее на юг от Новгорода следовали пригороды по реке Шелони и около ее: Шелонь при впадении Мшаги в Шелонь, неподалеку от озера Ильменя; Дубровна на запад от Шелони неподалеку от Псковской границы; Порхов на Шелони, немного повыше устья Узы; Вышгород на юг от Порхова и несколько на запад от Шелони, и еще юго-западнее Вышгорода Ржев, неподалеку от Псковской и Полотской границы. На юге от Ильменя озера, по реке Ловати и около ее были Новгородские пригороды: Городец на запад от Русы; Куреск на Ловати в 70 верстах от Ильменя озера; Холм также на Ловати, на 90 верст южнее Куреска. На восток от Ловати, в так называемых Деревях, были пригороды: Демань по речке Явони, впадающей в Полу, которая, в свою очередь, вливается в Ловать с восточной стороны, или правого берега; Лубно на самой Поле, и Молвятицы на одном из верхних притоков Пола, неподалеку от Селигера, и некоторые другие, которых местности, по недостаточности летописных известий, до нас дошедших, указать нельзя. Судя по расположению пригородов собственно в Новгородской земле, оказывается, что построение их большею частью вызывалось не столько необходимостью в защите края или по военным соображениям, сколько промышленными целями и необходимостью развития новгородского строя в землях, населенных туземцами не новгородского племени.

Пригороды на Новгородской земле

Пригороды, находящиеся собственно на Новгородской земле, а не в провинциях или в колониях, пользовались большею долей самостоятельности, хотя и были в самой тесной связи с Новгородом; они были как бы продолжением Новгорода или повторением его в данных местностях, сколками подобием своего первообраза, или младшими Новгородами. Они управлялись совершенно по-новгородски, имели своих выборных начальников, – сотских старост; даже посадники в пригородах, хотя назначались большею частью новгородским вечем, тем не менее и самое новгородское вече безразлично выбирало в посадники как новгородских, так и пригородских бояр. Даже нередко бывало так, что лица, бывшие посадниками в пригородах, выбирались в посадники в Новгород, и наоборот – лица, бывшие посадниками в Новгороде, назначались посадниками в пригороды. Так например в 1280 году новгородцы, отнявши посадничество в Новгороде у Михаила Мишинича, дали оное ладожскому посаднику Семену Михайловичу, выведши его из Ладоги. Или в 1257 году посадили у себя посадником ладожского посадника Михаила Феодоровича. Или в 1164 году, новгородцы перевели посадника Нежату из Новгорода в Ладогу; точно так же в 1229 году отняли у Иванка Дмитровича посадничество в Новгороде и назначили его посадником в Торжок. В пригородах, так же как и в Новгороде, были свои бояре, гриди, купцы и черные люди; так например в 1234 году при нападении литовцев на Русу, летопись говорит, «и стаха рушане и засада огнищане, гридьба, и кто купец и гости, и выгнаша литву из посада». Между боярами и купцами новгородскими и пригородскими не было никакого различия, все они одинаково считались новгородскими

боярами и купцами. Некоторые из пригородов даже разделялись на концы, подобно Новгороду, например, по летописным известиям, Псков и Корельский городок, а может быть и другие. В каждом пригороде была своя соборная церковь в детинце, подобно новгородской; например, во Пскове церковь Св. Троицы, в Порхове Святителя Николая, в Русе Преображения Господня. Пригороды имели свои веча, но веча сии в делах общих должны были повиноваться приговору новгородского веча, по общему в Русской земле правилу: «на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут». Впрочем, в Новгородской земле пригородским вечам предоставлялась большая свобода и самостоятельность: они имели право не только заниматься внутренним управлением и судом в своей волости; но даже могли объявлять войну, заключать мир и вступать в договоры с соседними владетелями. Так, например, в 1228 году, псковское вече, опасаясь нападения князя Ярослава Всеволодовича, заключило мир с Ригию отдельно от Новгорода, и когда новгородский князь Ярослав потребовал, чтоб псковичи вместе с новгородцами и его полками шли на Ригу, то псковское вече отвечало: «мы нейдём на путь, мы заключили с Рижанами мир». А вслед за тем и новгородцы сказали Ярославу: мы без своей братьи без пскович не можем идти на Ригу. Или в 1237 году псковичи посылали помощь рижанам против литвы, не спрашивая на это разрешения от новгородского веча. Или в 1428 году, Порхов заключил отдельный мир с литовским князем Витовтом и обязался заплатить ему 5000 рублей откупа. И новгородское вече признавало отдельные сделки пригородских веча законными. Оно только наблюдало за тем, чтобы пригородское вече не делало определений противных общей пользе всей земли новгородской, или оскорбительных для Новгорода. Так например, пригород законным образом не мог выделиться из Новгородской земли самовольно и подчиниться какому-либо соседнему князю, или отказаться от платежа определенных доходов в Новгород; так, когда в 1436 году Ржев и Луки отказались платить определенную дань в Новгород; то новгородцы за это пошли на них войною и пожгли ржевские села. Но приглашение пригородом князя безземельного или отказавшегося от своего отчинного владения не нарушало законных отношений пригорода к Новгороду; лишь бы приглашенный князь согласился управлять пригородом, как владением, зависимым от Новгорода. Так, например, в 1266 году псковичи приняли к себе безземельного князя Довмонта; и новгородцы не только этому не препятствовали; но даже когда князь Ярослав Ярославич надумал было с своими низовыми полками идти на псковичей и Довмонта; то новгородцы остановили его и сказали: «ты, князь, без нашего согласия не имеешь права идти на Псков». Но как новгородцы ни препятствовали своим пригородам принимать к себе князей по своему усмотрению; так, наоборот, пригороды обязаны были принимать князей, присылаемых из Новгорода, и беспрекословно повиноваться, когда по решению новгородского веча князь выводился из одного пригорода в другой. Равным образом пригороды должны были повиноваться новгородскому вечу, когда оно давало в кормление несколько пригородов одному князю; ибо князь, принятый в пригороде или присланный в пригород из Новгорода, одинаково считался на службе у новгородцев, он являлся в пригород как бы наместником Новгорода; следовательно пригород, принадлежа Новгороду, состоял на Новгородской земле, должен был повиноваться присланному князю. Мало этого, пригород даже не имел права выгнать от себя присланного князя, а напротив, в случае неудовольствия должен был жаловаться новгородскому вечу. Так, например, ореховцы и корельцы в 1384 году, недовольные посаженным у них князем Патрикием Наримановичем, явились с жалобою в Великий Новгород, и уже по определению новгородского веча князь Патрикий был переведен из Орехова и Корельского в Русу и Ладогу.

Таким образом пригороды в Новгородской земле, с одной стороны, пользовались значительною долею самостоятельности, а с другой стороны, находились в полной зависимости от своего господина Новгорода. Таковое, по-видимому, несовместное положение условливалось, с одной стороны, происхождением пригородов, а с другой стороны, тем, что они стояли на Новгородской земле. По происхождению пригороды были младшими братьями или сыно-

вьями Новгорода, все они построены самим Новгородом и населены новгородцами же, и каждый новгородец во всякое время мог перейти в любой пригород, и наоборот, пригорожанин поселиться в Новгороде; следовательно, по самой необходимости, по существу дела, Новгород мог относиться к своим пригородам только как старший к младшим, как отец к детям, как свободный к свободным, а не как господин к рабам или завоеватель к побежденным, и следовательно, предоставлять им известную долю самостоятельности. И действительно, таковы и были отношения Новгорода к своим пригородам почти до начала XV века. Новгородцы во все это время не полагали никакого различия или неравенства своих горожан с пригорожанами. Житель пригорода, стоящего на Новгородской земле, по закону ничем не отличался от жителя самого Новгорода: приезжая в Новгород, он пользовался совершенно одинаковыми правами с новгородцем; лучшим сему свидетельством служит уставная грамота князя Всеволода Мстиславича, данная иванской купеческой общине в Новгороде около 1135 года. В этой грамоте мы читаем: о весчих пошлинах: «а у гостя им имати у низовского (т. е. из Суздальской земли) от дву берковска воцаных по гривне серебра да гривенка перцу, а у смоленского и у полотского до две гривны кун от берковска воцанаго, у новоторжанииа полторы гривны от берковска воцанаго, у новгородца шесть мордок от берковска воцанаго». Здесь грамота, полагая высший размер пошлин с разных приезжих гостей, с низовцов, смолян, полоцян и новоторжцов ни слова не упоминает ни о ладожанах, ни о рушанах, ни о псковичах, ни о других пригорожанах Новгородской земли, следовательно, считает их не гостями, а такими же новгородцами, как и жителей самого Новгорода, и назначает им одинаковую пошлину с сими последними: по шести мордок от берковска воцанаго. А когда житель пригорода считался новгородцем, то и самый пригород не мог считаться иначе как младшим Новгородом; а как старший Новгород был свободен и самостоятелен, то и младший Новгород, по складу новгородской жизни, должен также пользоваться свободой и самостоятельностью. Но как младший Новгород, или пригород, стоял на земле, составлявшей священную неотъемлемую собственность старшего Новгорода, на земле святой Софии, то отсюда вытекали отношения зависимости младшего от старшего и право контроля старшего над младшим. Старший по существу самого дела должен был заботиться, чтобы младший не вздумал передавать в чужие руки землю святой Софии; старший имел непременною обязанностью наблюдать, чтобы младшие за землю святой Софии, находящуюся в их владении, платили определенные дани в общую казну, которая хранилась на полатах св. Софии, и в случае неплатежа наказывать младших; старший на том же основании имел право требовать, чтобы младшие являлись на защиту св. Софии, в случае неприятельского нападения, и помогать в постройке тех и других укреплений, необходимых для защиты дома св. Софии, т. е. Новгорода. Впрочем, за помощь, какую пригороды обязывались подавать в случае нужды Новгороду, Новгород с своей стороны исправно платил помощью пригородам, когда они в ней нуждались: так в 1253 году новгородцы пришли помогать псковичам против немцев и принудили сих последних к миру на всей воли новгородской и псковской. Или в 1348 году Новгород немедленно послал помощь ореховцам, когда Магнус король шведский напал на Орехов; когда же, несмотря на новгородскую помощь, Магнус завладел Ореховом в августе месяце; то новгородцы той же осенью явились туда с новою ратью и стояли под Ореховом около полугода, до тех пор, пока не выгнали оттуда шведов. Или когда в 1371 году погорел Торжок; то новгородцы на другой же год пришли ставить новые стены погорелого города; или в 1384 году новгородцы поставили новую каменную крепость в своем пригороде Ямах, на реке Луге, или в 1378 году новгородское вече послало ставить каменный город в Порхове. Новгородцы даже ставили своим усердием церкви по пригородам; так в 1365 году новгородские купцы вместе с новоторжцами поставили в Торжке церковь Преображения Господня и сам архиепископ новгородский с крылосом св. Софии приезжал освящать ее. Или в 1403 году новгородские купцы прасолы поставили в Русе церковь Св. Бориса и Глеба. Новгородцы на том же основании, что пригороды стояли на Новгородской земле, при заключении мирных договоров с соседними

князьями, включали в свои договоры и свои пригороды, и обыкновенно целовали крест как за Новгород, так и за пригороды, как составляющее одно целое с Новгородом.

Присуды и погосты

Каждый новгородский пригород так же, как и самый Новгород, имел свою волость или присуд, т. е. определенную окрестную страну, на которую простиралась его власть, которая тянула к нему судом и управою по земле и воде, с которой собирались в пригород разные дани и пошлины, которая в пригороде находила свою защиту, и, в свою очередь, сама была обязана участвовать в защите пригорода в случае неприятельского нападения. Волость или подчиненная пригороду страна разделялась на погосты, которые состояли из нескольких селений, имевших в погосте свой ближайший суд и управу и своих выборных начальников или старост. Жители селений, принадлежавших к тому или другому погосту, собирались туда для совещаний о делах целого погоста, для раскладки лежащих на них повинностей, для разбора споров и для разных общественных дел. Образование погостов в новгородских владениях относится к глубокой древности; о погостах упоминается уже при великой княгине Ольге. А в начале XII столетия мы находим, что княжая дань в новгородских владениях раскладывалась по погостам и погосты уже были в самых отдаленных владениях Новгорода, куда только достигала новгородская колонизация; в грамоте новгородского князя Святослава Ольговича, данной в 1137 году на десятину, в пользу новгородской епископии, десятина разложена уже на погосты, и погосты упоминаются уже на Онеге, в Заволочье и по берегам Белого моря.

Погост в новгородских владениях был самою первоначальною бытовою формою новгородской колонизации; где только заводились новгородские поселения, там прежде всего являлись и погосты. Погост в волости значил то же, что улица в городе, т. е. бытовую единицу, общину. Собственно селения, деревни и починки в новгородских владениях были очень мелки и малолюдны, они более походили на хуторы, чем на деревни, и состояли из одного или двух дворов и редко-редко из десяти, и по сему сами собою отдельно не могли составлять какое-либо сколько-нибудь самостоятельное целое и по необходимости спешили примыкать к какому-либо ближайшему центру, чтобы составить союз, в котором иметь постоянную защиту своей слабости, отпор внешним нападениям, суд и управу в сношениях друг с другом, и таким ближайшим центром или бытовым союзом был погост. Таким образом погост был чисто бытовым учреждением, а не административным; здесь администрация впоследствии только воспользовалась готовым учреждением жизни, чтобы с распоряжениями из города относиться не к мелким, едва уловимым единицам поселений, рассыпанным на большие пространства, а к союзам более заметным и уже имеющим свою бытовую организацию и свое управление. Лучшим доказательством такового исторического порядка при образовании погостов, служит во-первых то, что в погостах постоянно управление было выборное местное, без участия городских властей; во-вторых, то же подтверждает неравномерность населения одного погоста с другим; так например, по переписной окладной книге 1500 года, в ладожском присуде считалось: в Ильинском погосте 28 деревень, 31 двор и 53 человека населений; в Песотцком погосте 43 деревни, 69 дворов и 106 человек; в Теребужском погосте 137 деревень, 201 двор и 337 человек. Или в Ореховском уезде считалось: в Городенском погосте 82 деревни, 243 двора, 325 человек; в Куйвошском погосте 265 деревень, 360 дворов и 476 человек жителей. Очевидно, что администрация не могла бы допустить такой несоразмерности деревень, причисленных к погосту, ежели бы погосты были ее учреждением, а не бытовою формою жизни, образовавшиеся исторически.

Погост как чисто бытовое, а не административное учреждение состоял из деревень разных разрядов по праву владения на землю; в одном и том же погосте были деревни и черные, и владельческие, и между владельческими рядом стояли монастырские, и боярские, и своезе-

мецкие, и принадлежащие тому или другому концу или улице в городе. Все они в экономическом отношении управлялись каждый разряд особо, черные сами собою, а владельческие или самими владельцами тут же жившими, или присылаемыми от них ключниками и посельскими; но суд и управа и все общественные распоряжения были одни и те же для деревень всех разрядов и производились на погосте или старостами и сотскими, которые выбирались самими жителями погоста без отношения к владельцам, или погостским вечем, сходкою, и до этого суда и управы землевладельцы не касались, исключая тех случаев, впрочем нередких, когда частные землевладельцы получали от новгородского веча особые грамоты на суд и управу в своих владениях. В каждом погосте деревни и села по различию прав на владение землею разделялись на три вида: к первому принадлежали земли черные, не составляющая ничьей частной собственности, которые были предоставлены во владение всем свободным людям, желавшим там поселиться под одним необходимым условием, – тянуть к городу судом и данью по земле и воде, т. е. принять на себя обязанности в отношении к государству, лежащие на жилой и обработанной земле; на таковых землях и при таковом условии, без различия в правах, селились и жители города, и пришельцы, и исконные старожилы в стране, хотя бы не новгородского племени. Земли сии не подлежали частному отчуждению, продаже или дарению; хозяин, оставляя таковую землю, тем самым терял всякое право на нее, как на свою принадлежность. Ко второму виду принадлежали земли, составлявшие собственность или целого города, или какой-нибудь городской общины, конца, улицы, прихода; сии земли отдавались на оброк всякому, кто возьмет, без различия будет ли то горожанин или селянин, причем земли, принадлежащие целому городу, нередко приписывались какой-либо общественной должности; а посему лицо, получающее сию должность, с тем вместе получало право на пользование доходами с приписанной земли, как жалованием за службу. Земли сего разряда не подлежали частному отчуждению на правах собственности. К третьему виду принадлежали земли, составлявшие частную собственность бояр, купцов, монастырей, церквей и других поземельных собственников, или своеземцев. Земли этого разряда свободно продавались, менялись, дарились и иным каким образом отчуждались своими хозяевами; они только не могли переходить во власть соседних государей, т. е. выходить из государственной власти Новгорода. За сим последним условием Новгород всегда наблюдал с большею строгостью; так что во всех договорных грамотах Новгорода с князьями мы постоянно находим условие, чтобы ни князья, ни княгини, ни их бояре и дворяне не ставили сел и свобод на свое имя по всей Новгородской земле, не принимали закладчиков, не покупали и в дар не принимали никаких земель по всей волости Новгородской. А ежели бы князь или княгиня или их бояре и дворяне покупали какие села или земли, то Новгород постоянно не признавал таких покупок и требовал, чтобы они отступились от купленных земель и возвратили их святой Софии к Новгороду без всяких отговорок, а заплаченные деньги искали судом на продавце. Новгородскую землю по исконному обычаю мог владеть, как собственник, только тот, кто сам признавал над собою власть Новгорода, кто принимал на себя обязанности новгородского гражданина. Даже истый новгородец по происхождению, или какой новгородский пригорожанин, как скоро отказывался тянуть к своему городу, которому принадлежала земля на государственном праве, то тем самым уже терял право собственности на землю, подчиненную городу. Так в договорной грамоте Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем прямо сказано: «А кто живет в Торжку на Новоторжской земле, а к Св. Спасу не тянет к Торжку, князем отъемя (передавшись князю), а тии идут с Торжку, куды им годно».

Городские земли как в Новгороде, так и в новгородских пригородах, так же, как и волостные земли, делились на виды или разряды; главных видов в городских землях было два, земли тяглые и земли не тяглые. Тяглых городских земель было три разряда: 1-й разряд земли своеземцовы, т. е. принадлежащие собственникам, которые имеют еще свои собственные земли в уезде; 2-й разряд земли городских людей лучших, средних и младших; это земли того же

разряда, как и черные земли в уезде; 3-й разряд земли поземные, т. е. те, которые отдаются городом в пользование за определенный оброк. Все сии три разряда тянут городское тягло, т. е. на них лежат известные городские платежи и повинности по раскладке. Не тяглыми землями назывались те, на которых не лежало городских повинностей и платежей, к таким землям принадлежали земли церковные и земли, уступленные или назначенные служилым людям в пользование вместо жалованья.

Волости

В погостах земли по владению разделялись на волости или волостки. Волостями или волостками назывались села и деревни, принадлежащие одному владельцу хозяину, что по нынешнему образу выражения следовало бы назвать вотчиною или имением. Здесь слово «волость» выражало, что такие-то села и деревни подлежат власти такого-то, что он их владелец, хозяин, отчего в описаниях погостов мы встречаем названия вроде следующих: «В Лопьском погосте волость Васильевская Ананьина, или в том же погосте волость Вихторцы Яковлевская Губина, или волость Нила Колмовского монастыря», т. е. по нынешнему имение или вотчина Василия Ананьина, Якова Губина, или вотчина Колмовского монастыря. Волости или волостки сии, как частная собственность не соразмерялись с погостами или другими административными делениями: в одном погосте часто бывало по нескольку волостей, и наоборот, одна волость могла быть в нескольких погостах, смотря потому – сосредоточено ли имение частного владельца в одном погосте или рассыпано по нескольким погостам.

Рядки

Кроме волостей или волосток в новгородских погостах бывали еще рядки. Рядками назывались селения, занимающиеся торговлею и не имевшие за собою пахотной земли; жители таких селений обыкновенно назывались рядовичами, посадскими людьми. Рядки преимущественно строились при реках и на других путях сообщения, где представлялись удобства для торговли; каждый рядок имел свою торговую площадь, лавки и амбары, где продавались и складывались товары. Рядок был предшественником, починком города и имел почти городское устройство; но, в сущности, еще не был городом; он тянул судом и данью к городу, в волости которого стоял, и сверх того составлял часть погоста и был ему подчинен.

Перевары

В иных погостах были еще перевары, так назывались союзы сел и деревень, жители которых занимались исключительно рыбной ловлею. В перевах так же, как и в рядках, не было пашенных земель, и жители переварских деревень наделялись луками, т. е. определенными участками, смотря по местности, речного или озерного, или морского берега, для поселения и для рыбной ловли. Число деревень в каждой перевае было неодинаково; так например, в Корельском присуде, в Кирьяшском погосте, в Петкольской перевае было десять деревень, в Кирьяшской перевае двадцать три деревни, в Соральской перевае пятнадцать деревень. В погосте обыкновенно бывало по нескольку перевар, и переварские деревни не смешивались с другими деревнями, а причислялись к одному погосту, где имели свое выборное управление и куда сходились для рассуждения об общих делах всех перевар одного погоста. Что собственно представляла перева, административную или экономическую единицу, на это прямых указаний нет: но с достаточной вероятностью можно предположить, что она была экономической бытовою общиною, т. е. перевае составляли деревни рыболовов, у которых рыболовные угодья или луки были отведены к одним местам, и где они главную ловлю рыбы производили

общими силами целою переварою и может быть неводом, или другою какою рыболовною снастью, построенною в складчину целою переварою, всеми деревнями, принадлежащими к переваре, и может быть самая рыболовная снасть называлась переварою. Перевары в новгородских владениях бывали и общинными, когда переварские деревни были построены на общинных или черных землях, и перевары частных землевладельцев, бояр, монастырей, купцов и проч., когда переварские деревни были построены на земле, составляющей частную собственность какого-либо частного владельца.

Новгородские волости

Новгородскими волостями назывались земли, подчиненные Новгороду, но не составлявшие с ним одного целого и управлявшиеся не совсем так, как управлялась собственно Новгородская земля. Во всех дошедших до нас новгородских грамотах XIII, XIV и XV столетий, вплоть до уничтожения новгородской самостоятельности, волости постоянно и резко отличались от Новгородской земли и удерживали название волостей; к ним постоянно причислялись следующие земли: Волок со всеми волостями, вероятно та страна, где ныне Волоколамск, далее Торжок, Вежичи, Палиц, Городец, Мелеча, Шипино, Егна на реке Мологе, Вологда, Заволочье, – огромный край от верховьев реки Онеги до Мезени, Търе, т. е. Терский или западный берег Белого моря, Пермь, Печера и Югра. Все это громадное пространство земель, принадлежащих Новгороду, простирающееся на север до Белого и Ледовитого морей и на восток до северной оконечности Уральских гор и даже за Уральские горы до реки Оби в Сибири, по отношению своему к Новгороду разделялось на три разряда: 1-й разряд заключал в себе земли от Торжка и Волока до Тверских и Ростовских владений и до верховьев реки Онеги; 2-й разряд, называвшийся Заволочьем, обнимал собою земли от Онеги до Мезени и до Белого моря; 3-й разряд составляли земли, лежащие на восток от Мезени, где северный край, прилегавший к Ледовитому морю, назывался Печерою, южный, прикасавшийся к древнему царству камских болгар, носил название Перми, а восточный по Уральским горам и до реки Оби назывался Югрою.

Первый разряд новгородских волостей, Торжок, Бежичи и проч.

К первому разряду новгородских волостей, ближайших к Новгородской земле, принадлежали Волок, Торжок, Бежичи, Палиц, Городец, Мелеча, Шипино, Егна и Вологда. Здесь по мере приближения к Новгородской земле край принимал, и по проч. управлению и по населению, характер чисто новгородский; новгородская колонизация, хотя еще далеко не сплошная, здесь оказывалась гуще, нежели в других волостях, более отдаленных; тут уже являлось несколько пригородов, устроенных совершенно по-новгородски и управлявшихся посадниками, присылаемыми из Новгорода, каковы, например, Торжок, Вологда, и особенно был важен здешний пригород Торжок, лежавший почти на границах Новгородской земли, куда нередко присылались в посадники мужи, уже бывшие посадниками в самом Новгороде. Но и Торжок уже не составлял Новгородской земли, а был только Новгородскою волостью, не только по присвоенному ему таковому названию в новгородских грамотах и по историческому его имени, – Новый Торг, т. е. новая позднейшая новгородская торговая колония не в Новгородской земле; но и по чувству самих жителей, которые хотя и признавали свой город новгородским пригородом и постоянно были в зависимости от Новгорода, тем не менее уже не считали себя за одно с новгородцами и имели свои местные интересы, не всегда согласные с интересами новгородскими. А посему новгородцы, чтобы действовать за одно с новоторжцами, должны были наперед уговариваться с ними и даже целовать крест; так, например, в 1372 году, во время

войны с Михаилом Александровичем великим князем Тверским, новгородцы не иначе могли укрепить Торжок, как наперед условившись с новоторжцами и утвердившись крестным целованием; в летописи прямо сказано: «о Петрове заговеньи новгородцы, великого Новгорода бояре, приехали в Торжок ставить город, совокупились и соединились в Новоторжце и укрепились крестным целованием и сдумали думу, чтобы быть и стать за один и заратились с князем Михаилом Тверским». Но ежели новгородцы приходили в Торжок, не согласясь с новоторжцами, то сии последние иногда и выгоняли их; так в 1340 году они выгнали от себя приехавших новгородцев и ограбили своих бояр, которые их пригласили. Впрочем, новоторжцы еще иногда являлись для защиты Новгорода наравне с прочими пригородами, хотя и очень редко. Вообще в Волоке, Торжке и Бежичах еще сильно веяло новгородским духом, здесь еще сильно чувствовался новгородский строй жизни; но по мере отдаления от Новгородской земли чисто новгородский характер в здешних волостях делался слабее, и становилось заметнее, что это уже не Новгородская земля, хотя и зависящая от Новгорода. Здесь хотя и были города, слободы и погосты, достроенные новгородцами, и даже управлялись властями, присылаемыми из Новгорода, хотя и собиралась дань и другие пошлины без помощи, даньщиков, сопровождаемых воинскими отрядами, и хотя новгородцы охотно заводили здесь свои колонии; но уже здешние города не были младшими Новгородскими, они носили на себе или характер военных крепостей для удержания в повиновении местного не новгородского населения, или торговых колоний на путях сообщения, на больших судоходных реках; таковы например Рыбаньская слобода при впадении Шексны в Волгу, Молога при впадении реки Мологи в Волгу, Вологда на одном из верхних притоков Сухоны, составляющей верховье Северной Двины. Здесь население было чисто финского происхождения, Новгородские же колонии являлись только как бы островами в финском море. Конечно, колонии сии заправляли финским населением, владычествовали над ним, приучали его к новгородскому строю жизни и к новгородским обычаям; но из здешних городов уже не высылались ратей на защиту Новгорода, как это делали пригороды, стоявшие на Новгородской земле; напротив того, здешний край был открыт для внешних нападений, и суздальские и московские князья не раз занимали ту или другую часть этого края и держали по тамошним городам своих наместников по несколько лет; так, например, в 1393 году великий князь Василий Дмитриевич Московский зараз овладел Торжком, Волоком и Вологдою; потом в 1397 году опять завладел Заволочьем, Торжком, Волоком, Бежецким Верхом и Вологдою, и в последний раз держал их около четырех лет. Хотя новгородцы владели этим краем с давних времен, и уже в XII столетии там было двадцать четыре погоста, которые разделялись на два ряда: Обонежский и Бежецкий, которые, по уставу князя Святослава Ольговича, уже платили княжие дани и судебные пошлины виры и продажи; но несмотря на это, новгородцы свое владычество в этом краю всегда считали далеко не так полным и надежным, как в Новгородской земле и в своих договорных грамотах с князьями из опасения постоянно ставили условие, по которому князь обязывался свои дани и пошлины в этом краю продавать новгородцам и отнюдь не посылать туда наместниками своих мужей, а держать тамошние земли мужами новгородскими и получать от них дар, только на Волоке и в Торжке дозволялось держать князю своего тиуна, но и то непременно пополам с новгородским тиуном. По условию, постоянно повторявшемуся почти во всех грамотах, князь даже не иначе мог посылать туда своего купца, как из Новгорода, который и на обратном пути непременно должен был ехать на Новгород, и не больше как в двух насадах; в грамотах прямо говорится: «а за Волок ти, княже, слати своего мужа из Новгорода, в ту насаду, попошине; а опять ехати туды же на Новгород; а с низу ти не слати, такоже и в Бежице».

Второй разряд новгородских волостей, называвшийся Заволочьем, хотя был приобретен новгородцами издавна и уже в XII веке имел до тридцати погостов новгородского поселения, которые были расположены по всему течению реки Онеги до моря, по Пинеге, по всему течению Северной Двины и по впадающим в нее рекам Емце, Ваге и Вели, как показано в уставной

грамоте князя Святослава Ольговича, по которой все сии колонии в отношении к сбору пода-тей были поручены какому-то Домажиричу, и хотя новгородское поселение здесь было едва ли не гуще, чем в первом разряде волостей, особенно по рекам Вели, Ваге и Северной Двине, и по духу своему ни в чем не уступало коренным новгородцам и было в самой тесной связи с бога-тыми новгородскими домами; но в отношении к новгородскому правительству оно не только не равнялось с населением Новгородской земли, а напротив, было отчужденнее, чем волости первого разряда; ибо тамошняя колонизация была плодом частной предприимчивости, а не по распоряжению правительства. Весь тамошний край был заселен по распоряжению богатых нов-городских бояр, которые, набрав ватаги вольницы, занимали тамошние земли, подчиняли себе туземцев, строили села и города и владели ими, как частного, собственности, только на имя Великого Новгорода и с платежом известных, законом определенных, доходов в новгородскую казну. Хотя впоследствии здесь принимало участие и новгородское правительство, имело там несколько волостей, назначало от себя начальников или посадников и посылало туда свои при-казания; так, например, в 1411 году, заволочане, под предводительством двинского посадника, по повелению Новгорода ходили войною на мурман или норвежцов; тем не менее почти весь этот край принадлежал как частная собственность утвердившимся там новгородским боярам и другим богачам, первоначально заселившим тамошние земли и подчинившим себе туземцев, и представлял собою собрате боярских волостей или вотчин; даже самые начальники преимуще-ственно назначались из тамошних же новгородских землевладельцев, так что Новгород владел тамошнею странюю чрез их же посредство. Да это и не могло иначе быть, ибо знаменитейшие новгородские фамилии, в руках которых преимущественно сосредоточивалась власть в самом Новгороде, были в то же время главными землевладельцами в Заволочье. Там бояре, богатые землевладельцы, своевольничали, как хотели, воевали и в самом Заволочье, и по соседству. Вот несколько образчиков своеволия тамошних бояр, отмеченных в летописях; так под 1342 годом летописец говорит, что «богатый заволоцкий владелец Лука, сын бывшего новгород-ского посадника Варфоломея, не послушав Новгорода и владычиния благословения, скопив с собою холопов сбоев, и поиде за Волок на Двину, и постави городок Ордец, и скопив емчан (своих колонистов по реке Емце), и взяв землю Заводоцкую по Двине все погосты на щит». Или в 1366 году молодые новгородские дети боярские, под предводительством богатых заво-лоцких землевладельцев Есифа Варфоломеевича, Василья Федоровича и Александра Аббаку-мовича без новгородского слова ходили на Волгу и грабили купеческие караваны, шедшие по этой реке. И когда великий князь московский Дмитрий Иванович потребовал от Новгорода вознаграждения за этот грабеж, то новгородцы не иначе могли получить это вознаграждение с заволочских землевладельцев, как отправивши в 1386 году свое войско в Заволочье под пред-водительством посадника Федора Тимофеевича и боярина Тимофея Юрьевича. Богатые заво-лоцкие землевладельцы, двинские бояре, также иногда вступали в союз против Новгорода с соседними князьями; так, например, в 1397 году двинские бояре и все двиняне задались за великого князя московского Василия Дмитриевича, целовали ему крест и поделили между собою тамошние волости новгородские и бояр новгородских; так что новгородцы на другой год должны был послать туда свое войско, отвоевать тамошние волости и казнить изменников. Но когда заволочские бояре землевладельцы оставались верными Новгороду, они были настолько сильны своими собственными средствами, что почти всегда без помощи из Новгорода удачно отражали внешние нападения на тамошний край; так когда в 1401 году московский великий князь Василий Дмитриевич, нечаянно среди мира послал свою рать в Заволочье, под пред-водительством двинских изменников Анфала Никитина и Герасима Ростриги, то тамошние бояре Степан и Михайло Ивановичи и Никита Головня, собрав около себя важан, разбили московскую рать на Холмогорах. Точно так же в 1417 году, при нападении москвичей с вятча-нами на Заволочье, тамошние бояре Иван и Афанасий Федоровичи, Гаврила Кирилович и Исак Андреевич (Борецкий) не только разбили их под Моржом, но и в погоне за ними пограбили

Устюг, принадлежавший великому князю московскому. Таким образом Заволочье составляло почти отдельное владение, только потому бывшее в некоторой зависимости от Новгорода, что главные тамошние поселенцы были новгородского происхождения, не разрывали своих связей с Новгородом, и даже нередко принадлежали к знаменитейшим и сильнейшим новгородским фамилиям.

Третий разряд новгородских волостей, Пермь, Печора и Югра

Третий разряд новгородских волостей, как уже сказано выше, составляли громаднейшие земли, лежащие на восток от Заволочья до Уральских гор и за Уральские горы до реки Оби, и может Печера и может быть еще за Обью в Сибири, и носившие название Печеры, Перми и Югры. Земли сии так были отдалены от собственно Новгородской земли, что в них даже мудрено было устроить новгородские колонии, которые бы оставались в неразрывной связи с Новгородом; по крайней мере заведенные там новгородские колонии по реке Вятке и соле-промышленные поселения на Вычегде и Сысоле вслед за своим появлением отделились от Новгорода: первые образовали довольно значительную независимую республику под именем Вятки, состоящую из шести городов: Вятки, Шестакова, Хлынова, Слободы, Орловца и Котельнича; а вторые примкнули к соседним владениям великого княжества Владимирского и потом Московского. А посему Новгород, при владении землями здешнего края, кажется, вовсе не имел в виду заводить там свои колонии, оставлял всю тамошнюю землю во власти полудиких туземцев, которые управлялись своими начальниками и старшинами без участия новгородского правительства; и довольствовался сбором дани или ясака, и выгодно устроенными торговлею и звероловными промыслами, при пособии туземцев, которые указывали приходившим к ним новгородским промышленникам удобнейшие и выгоднейшие станы и урочища для звероловства. Но для сбора дани или ясака обыкновенно нужно было посылать данщиков с воинскими отрядами, которые нередко встречали сопротивление от туземцев этого дикого края; так, например, летопись под 1187 годом говорит: «в то же время избиты были печерские данщики и югорские в Печере, а другие за Волоком, и пало около ста голов удалых людей». Или под 1193 годом в летописи сказано: «в то же время пошли из Новгорода в Югру ратью с воеводою Ядреем, и пришли в Югру и взяли город, и стояли под другим городом пять недель, а все это время Югра высылала с лестию, и говорила: подождите, мы копим серебро и соболей и другие узорочья, не губите своих смердов и своей дани; между тем тайно собирала воев, и когда собрали, то выслали сказать воеводе: ступай к нам в город, взявши с собою двенадцать лучших мужей. Воевода пошел в город, взявши с собою попа Ивана Легена и других лучших людей; и их там убили, потом вызвали в город еще 30 человек и тех убили; далее 50 мужей». Затем на праздник св. Николая (6 декабря) Югра сделала вылазку из города и избив остальных, так что едва спаслось 80 человек, которые уже на другой год возвратились в Новгород. Подобное же сопротивление встретили воеводы новгородские, отправленные в Югру в 1448 году. Югра сказала воеводам: «мы хотим вам дань дати, а хотим счестися и указать вам станы и острова и урочища»; а между тем собравшись с силами ударили на острожек, в котором укрепились новгородцы, убили у них 80 человек удалых людей, а прочие спаслись бегством в леса, и после были собраны другим новгородским отрядом, сбиравшим дань в другой местности. Впрочем, временное сопротивление тем или другим сборщикам дани, может быть неосторожно раздражавшим туземцев, несколько не прекращало сношений Новгорода с здешним краем; на место избитых данщиков являлись другие более осторожные, и дань продолжала собираться более или менее исправно и доставляла новгородской казне больший ежегодный доход серебром и дорогими мехами. Но еще более Новгород получал доходов с этого края от торговли; новгородские торговые караваны вдоль и поперек искрещивали здешние земли; еще в XI столетии знаменитый новгородец Гюрята Рогович посылал своих приказчиков в Печеру и Югру, как

свидетельствует летопись. Новгородцы отсюда получали серебро, драгоценные меха, моржовые клыки, мамонтовую кость и другие произведения здешнего края. Впрочем, по-видимому, как ни шатко было владычество Новгорода в Перми, Печере и Югре, состоящее только в сборе дани и торговле, тем не менее новгородцы всю эту страну постоянно называли новгородскою волостью, и в своих договорах с князьями обыкновенно включали условие, чтобы князья не вступались в здешние земли, как принадлежащие новгородской власти. И действительно продолжительные и постоянные сношения Новгорода с сими землями и хотя очень шаткая власть произвели какую-то неопределенную связь здешнего края с Новгородом и вселили в тамошние полудикие народцы убеждение, что их верховный господин – Великий Новгород. Лучшим сему свидетельством служит то, что почти вслед за завоеванием Новгорода московский великий князь Иван Васильевич в 1483 году послал свои войска и для завоевания Печеры и Югры, как волостей новгородских, и войска его встретили там хотя несильное сопротивление от некоторых князьков и народцев; следовательно, тамошние темные князцы и народцы, признававшие почти беспрекословно власть Новгорода, не хотели признавать без боя власти других пришельцев, и уступили только силе; стало быть, считали себя принадлежащими Новгороду и обязанными защищаться против новых доселе незнакомых пришельцев. Таким образом Новгород и сии отдаленные земли не без основания называл своими волостями.

Рассказ второй. Новгородское общество

Элементы новгородского общества

Население как Новгородской земли, так и всех волостей Новгорода главным образом состояло из двух элементов финского и славянского; старожилками Новгородской земли и всех новгородских владений были финны, разделенные на разные племена; пришельцами же вторыми после финнов по старшинству – славяне. Но уступая в старшинстве, славяне во всем другом превосходили финнов, они собственно сообщили краю то значение, которое он имеет в истории. Славянами построен Новгород и все города тамошнего края; славяне собственно устроили новгородское общество, сообщили ему ту силу и энергию, которые сделали Великий Новгород господином огромнейших стран от Финского залива до реки Оби и главным средоточием торговли Европы с Азией. В устройстве новгородского общества финны собственно были сподручным и удобным материалом, вся же энергия, предприимчивость и оборотливость, выдвинувшие новгородское общество на поприще исторической деятельности, принадлежали славянам. Славяне собственно были двигателями и руководителями в устройстве новгородского общества, их язык и их обычаи были господствующими в обществе, хотя самое общество состояло не из одних славян. Конечно, нельзя отвергать, что и финские обычаи и финский язык имели свою долю в образовании новгородских обычаев и новгородского языка; но эта доля была так незначительна или настолько проникнулась славянским духом, что отыскать ее и выделить из целого строя славянских обычаев и славянского языка почти нет возможности, за исключением разве каких-нибудь отрывков. Вообще несмотря на смесь племен, в новгородском обществе господствующим племенем было племя славянское, и господствовало оно не столько численностью и материальной силою, которые первоначально были на стороне финнов, сколько общественным умом, нравственными силами и высшею цивилизациею. Славяне, пришельцы в финской земле, не столько были завоевателями в материальном смысле этого слова, хотя и нельзя отвергать некоторой доли завоевания, сколько цивилизаторами; они не истребляли финнов, не обращали их в рабство, не отнимали у них земли, а только селились между ними, чему лучшим доказательством служит то, что до позднейших времен новгородской истории, в самый разгар могущества Господина Великого Новгорода, финские племена ижоры, води, корелы и другие жили свободно между новгородцами не только в Новгородской земле, но и в самом Новгороде и считались новгородцами наравне с славянами, и в общественных делах имели одинаковое право голоса, как об этом свидетельствует самое важное общественное дело – призвание варяго-русских князей. На новгородском вече в 862 году, на котором решено было призвать князей, вместе с славянами участвовали и финны под именем чуди; летопись говорит: «реша руси чудь, словени и кривичи, вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, да поидете княжить и володеть нами». Но, не обращая финнов в рабство, не отнимая у них земли, и принимая их в свое сообщество, славяне завоевывали финнов нравственно, претворяли их в славян, роднили их с собою и мало-помалу довели дело до того, что общественные интересы славян и финнов слились окончательно, что Господин Великий Новгород сделался таким же царственным родным городом для финнов, как и для славян, что в новгородском обществе и финны и славяне считались совершенно одноправными, что на общем новгородском вече не только голос финна имел одинаковое значение с голосом славянина, но даже в выборе на высшие должности, разных правителей, не было разницы между финном и славянином, требовалось только одно, чтобы выбираемый был новгородским гражданином, а был ли он по происхождению финн или славянин, об этом никто и не спрашивал. Даже в посадничьих именах Неревина, Незды и Водовика не скрывается ли указание на фин-

ское происхождение сих посадников: Водовик не был ли по происхождению из племени води? По крайней мере, в Чудинцовой улице в Новгороде ясно слышится чудь, чудин, финн; а название одной из древнейших и богатейших новгородских улиц Чудинцевой дает повод думать, что первый насельник ее чудин, финн был значительным лицом в Новгороде. А Неревский конец Новгорода едва ли не получил свое название от финских поселенцев из края, прилегающего к Нарове. Конечно, теперь уже поздно разыскивать, которая из древних боярских фамилий в Новгороде по происхождению своему принадлежала к финскому племени и которая к славянскому; время и особенно принятие христианских имен уничтожили и последние следы, по которым бы можно добратся, какая новгородская фамилия к какому племени принадлежала в древности; но самое слитие и обезразличение племен в Новгороде всего яснее показывает, как крепко было сплочено новгородское общество, ибо исторически известно, что финны не были истреблены в Новгородской земле.

Кроме главных и основных элементов финского и славянского в новгородском обществе были еще элементы варяжский и литовский; но сии элементы вошли, в новгородское общество позднее двух первых.

Конечно, они также имели свою долю влияния на устройство общества, и особенно варяжский элемент, ибо, по свидетельству скандинавских саг, Новгород в глубокой древности был в самых тесных связях с Скандинавией или Варяжской землей, да и на самом деле новгородские и скандинавские обычаи в древности много имели сходного друг с другом; тем не менее и сии два элемента в новгородском обществе подчинились славянскому элементу, и литовцы и варяги в Новгороде обратились в славян новгородцев, и для позднего времени указывают на сии элементы только названия Прусской улицы, соседней с Чудинцевою в Новгороде, и города Русы в Новгородской земле. Главною причиною обращения литовцев и варягов в славян в новгородском обществе был тот же коренной новгородский закон одноправности всех членов новгородского общества, не обращавший внимания на различие происхождения, который и финнов претворил в новгородцев. В Новгороде был один общий порядок для всех пришельцев, по которому каждый пришелец, откуда бы он ни происходил, без всякого препятствия принимался в члены новгородского общества и получал одинаковые права со всеми другими членами общества, под одним только условием, чтобы пришелец подчинился новгородским порядкам, и это одно условие сглаживало все разноплеменности в новгородском обществе, и было одною из главных причин могущества Господина Великого Новгорода, тянувшего к Новгороду людей со всех сторон, и богатых и бедных, и знатных и безвестных. Новгород для всех равно открывал ворота своей земли, всех радушно принимал, только бы пришельцы подчинялись его законам. Новгородское общество, как при самом своем основании сложилось не из одного элемента, так и во все продолжение своего существовавши, не терпело исключительности и обособления.

Классы новгородского общества

Указавши на основные, первоначальные и позднейшие элементы новгородского общества, теперь следует указать на то, что выработал Новгород из сих элементов, претворивши их в одно крепко сплоченное общество, какую дал им организацию и как разместил. Мы уже видели, что Новгород состоял из союза разных общин, что каждый конец, каждая улица составляли отдельную, самостоятельно организованную общину, в которой были свои бояре, свои купцы и черные люди, или людины. Следовательно, разные элементы, составлявшие новгородское население, были размещены в три главные класса новгородского общества: в класс бояр, в класс купцов и в класс людинов, или черных людей; и сии классы не были отделены друг от друга или изолированы, а напротив, находились в самой тесной связи друг с другом, как члены одного общества. Самое же общество не было сплошною пестрою массою сих трех

классов, а состояло из союза мелких общин, в которых представители каждого из трех классов составляли одно крепкое, органически соединенное живое целое, живущее общею жизнью целого общества и, в свою очередь, сообщающее жизнь самому обществу, и притом жизнь высшего порядка, членораздельную, в которой один член поддерживается другими и в то же время сам дает поддержку другим, а не жизнь, состоящую из мертвого наложения пластов или классов друг на друга, где нет живой связи, а только одно механическое давление. Таким образом в новгородском обществе, особенно собственно в Новгороде, бояре, купцы и людины, или черные люди, были в явных взаимных отношениях друг к другу, сообщавших новгородскому обществу особый характер, и каждый класс имел свое значение, дававшее ему особое место в обществе на пользу целого общества. Чтобы яснее указать, какое значение имели сии классы в новгородском обществе, мы проследим каждый класс отдельно, покажем, как он образовался и в каких отношениях находился к другим классам и к обществу.

Бояре

Первый класс в новгородском обществе составляли бояре, они в Новгороде носили разные названия: их называли вящими людьми, передними людьми, большими людьми, т. е. лучшую сильнейшую часть новгородского общества, — аристократией; собственно же имя бояр в Новгородской летописи встречается в первый раз только под 1118 годом, где сказано: «том же лете приводе Володимер с Мстиславом вся бояры новгородские Киеву, и заводи я честному кресту и отпусти я домов». Но конечно не с этого года явилось слово «боярин» в Новгороде, оно, по всей вероятности, одновременно с появлением больших или вящих людей в обществе, и есть не что иное, как техническое специальное выражение слова больший, болий, а отсюда болярин, боярин.

Как и когда образовались большие люди или бояре в новгородском обществе, на это мы не имеем прямых свидетельств ни в каких древних памятниках; знаем только, что новгородцы постоянно разделялись на больших и меньших, и что еще пред призванием Рюрика и его братьев в летописях упоминается о старейшине Гостомысле, который собирал владавцов Новгородской земли, сущих под ним, на разсуждение о приглашении князей; следовательно большие люди, владавцы, бояре, были в Новгороде еще до Рюрика. Знаем так же, что в Новгороде народ, черные люди, меньшие люди, не был безгласною массою, поработенною большими людьми, а принимал деятельное участие в правлении на вече; следовательно, бояре, большие люди не были особым племенем победителей, поработителей, а принадлежали к тому же племени, к которому и остальные граждане, происходили из того же народа. Знаем еще, что в Новгороде, при чисто общинном устройстве, каждая улица, каждый конец составляли свою общину; в каждой же древней новгородской улице были свои бояре, находившиеся в тесной связи с своими уличанами; следовательно, бояре происходили из уличан же, составляли с ними одно, и были только лучшими людьми из уличан. Наконец, мы знаем, что по новгородскому устройству, одинаковому со всею Русскою землею, поземельные владения разделялись на общинные и частные. Общинная земля принадлежала всей общине, и члены общины имели только право пользоваться ею, и пользовались только те члены, которые или не имели средств приобрести участок земли в полную собственность, или не могли охранять ее и не находили в приобретении расчета по своим промыслам, и потому довольствовались общинною землею, которую охраняла целая община. Частную же поземельную собственность приобретали люди, имевшие больше средств к приобретению и охранению своих поземельных владений, и которые считали для себя недостаточным пользоваться общинною землею. Следовательно, приобретение земли в полную собственность было первым признаком, отличающим частных поземельных собственников, как людей, пользующихся большими средствами перед общинниками, как людей лучших, более сильных перед своими согражданами. Таким образом, первыми, древ-

нейшими земскими боярами в Новгороде, по всему вероятно, были богатые землевладельцы, имевшие в своей собственности большие поземельные владения. Мы знаем уже, что Новгород и первоначально был славянскою колонией в финской земле, и постоянно распространял свои владения посредством торговли и колонизации между разными финскими племенами; следовательно приобретение земли новгородскою ли какою общиною, частным ли лицом делалось не иначе как силою, чрез оттеснение старожилов финнов, а посему и на охранение приобретенной земли от притязания старых хозяев требовались также силы и средства. Стало быть, ежели какое частное лицо в Новгороде имело столько силы, средства, ума и отваги, чтобы приобрести землю в собственное владение и защитить свое приобретение от нападения старых хозяев так же, как это делала сама община своими общинными средствами, то тем самым это лицо приобретало перевес над другими своими согражданами, которые делали то же только общими силами целой общины; и таким образом естественно таковой человек делался лучшим человеком, большим человеком, влиятельным лицом той общины, к которой он принадлежит. И действительно, по всем дошедшим до нас известиям, начиная с XI столетия мы находим все сии качества в новгородских земских боярах. Иные памятники XII столетия новгородских бояр даже прямо называют огнищанами, т. е. людьми, имеющими свое собственное огнище; а огнищем еще и в настоящее время в северном краю Руси называется земля, расчищенная кем-либо под пашню посредством пала, или выжигания дикого леса, и этот способ расчистки земли до сего времени всеупотребителен в лесистых уездах глубокого Севера; а конечно в древности, когда весь Новгородский край был покрыт непроходимыми лесами, выжигание было единственным способом расчистки земли. Следовательно, название бояр огнищанами прямо указывает на них, как на землевладельцев-собственников, т. е. на таких людей, которые собственными средствами сделали себе огнище, расчистили дикий лес под пашню и на собственный счет населили расчищенное место земледельцами, согласившимися жить на их расчищенной земле и на взаимных условиях состоять под властью и производить земледельческие работы как на себя, так и на своих землевладельцев².

Частная поземельная собственность, образовавшая в Новгороде класс бояр, больших людей, сообщила этому классу и то высокое значение, которым он пользовался в новгородском обществе. Значение сие, в сущности одинаковое, имело свои степени развития собственно в Новгороде, в той Новгородской волости, где находилось поземельное имение землевладельца и в самом имении.

² Некоторые исследователи огнищан производят от огнища, очага, т. е. двора государева, и называют бояр огнищанами потому, что они состоят на службе при государевом дворе, очаге, но огнище в древности никогда не означало очага, да и теперь очаг не называется огнищем. Конечно, и княжие бояре могли называться и иногда действительно назывались огнищанами, но не по очагу государеву, а потому что они имели свое огнище, свои поземельные владения. Поземельные владения в древних юридических актах обыкновенно определялись следующими словами: «а земля моя, куда топор, коса и соха ходила», т. е. границы моей поземельной собственности определяются тем пространством, которое захватил мой труд, а первым трудом в обработки земли в древности было выжигание дикого леса, следовательно, мое огнище, выжженное мною пространство дикого леса, значит то же, что моя поземельная собственность, и огнищанин, значит, землевладелец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.